

Горбачева М. А.

ORCID: 0000-0003-1148-5042

Тюмень, Россия

E-mail: marocheva@gmail.com

УДК 821.161.1-31 (Трифонов Ю. В.)

DOI: 10.12345/2306-7462_2021_01_09

ЦИКЛООБРАЗУЮЩИЙ МОТИВ ВОСПОМИНАНИЯ В «ОПРОКИНУТОМ ДОМЕ» Ю. В. ТРИФОНОВА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению мотива воспоминания как одного из циклообразующих элементов итогового произведения Ю. В. Трифонова «Опрокинутый дом». Мотив воспоминаний рассматривается не только в качестве образной составляющей жизненного пути повествователя, но и в качестве важной характеристики индивидуального творческого сознания самого Трифонова. Анализ позволяет сделать вывод о том, что именно посредством мотива воспоминаний автору удастся объединить в целое разрозненные события XX в. Именно память связывает судьбу отдельного человека и его родителей с судьбами мира, максимально сближая историческое и биографическое начала. Мотив воспоминаний размывает пространственные и временные рамки, позволяя тем самым выстраивать особые и иногда неожиданные связи между персонажами цикла. В статье обнаруживаются признаки циклового начала, дополняющие авторское определение жанра «Опрокинутого дома» — повесть в рассказах.

Ключевые слова: воспоминания; русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы; литературные мотивы; повести.

Gorbacheva M. A.

Tyumen, Russia

CYCLING MOTIVE OF MEMORY IN “OVERTURNED HOUSE” BY U. V. TRIFONOV

Abstract. The article is devoted to consideration of the memory motive as one of the cycling elements of the final creation «Overturned house» by the pen of the writer U. V. Trifonov. The motive of memory is considered not only as a figurative element of the teller’s life path, but also as an important characteristic of Trifonov’s individual, creative mind. Analyzing lets us make a conclusion that exactly through the particular memory motive the author manages to unite scattered events of the XX century. Exactly the memory unites human’s future with the futures of the world, bringing historical and biographical beginnings together as close as possible. Memory motive blurs frames of space and time, letting the special and sometimes unexpected connections to be builded between the cycle characters. The signs of cycled beginning are being spotted in the article, they complement author’s genre definition of “Overturned house” — a story in narrative.

Keywords: memories; Russian literature; Russian writers; literary creativity; literary genres; literary plots; literary images; literary motives; story.

Во второй половине XX в. проза Трифонова была популярна среди представителей русской интеллигенции, но читательский интерес к творчеству в постсоветское время достаточно ослаб, что говорит о недостаточной изученности его наследия. Исследователь М. В. Семенова выделяет несколько этапов развития творчества писателя: 1) первый (1950-е — первая половина 1960-х гг.) — период единовременных отзывов о повести «Студенты», туркменских рассказов, спортивных и путевых очерков; 2) второй (1969 — конец 1970-х) — появление откликов на повесть «Обмен», а также первые аналитические осмысления текстов Трифонова; 3) к третьему этапу относят конец 1970-х, когда творчество писателя прочно вошло в сферу интересов профессиональных литературоведов; появление в зарубежных изданиях статей и исследований, во многом обусловленных возросшим интересом к нему как к писателю-диссиденту; 4) четвертый этап — это период после смерти Трифонова, когда появилась острая

потребность оценить его творчество как художественный феномен в контексте русской литературы XX в. [Селеменова 2007: 33].

Цикл рассказов «Опрокинутый дом» Юрия Валентиновича Трифонова стал итоговым в творчестве писателя и был опубликован уже после его смерти. Сам Трифонов о своем творчестве говорил, что он «”отгаивает” вместе со временем, меняется вместе с ним» [Иванова 1989: 237]. Юрий Трифонов и его семья — это люди с богатой биографией: родители были революционерами, бабушка по линии матери, по словам писателя, была знакома с молодым Сталиным. Ввиду всех этих событий не удивительно, что он увлекался историей страны, особенно периодом начала XX столетия. В каждом произведении Ю. В. Трифонова есть часть жизненного пути не только его, но и членов его семьи. Опубликованным доказательством долгого и сложного процесса изменения и становления Трифонова с 1960-х гг. и до конца жизни является цикл рассказов «Опрокинутый дом», в котором автор затрагивает события практически всего XX в., исторически важные точки в жизни автора и России: революцию 1917 г., годы репрессий, Олимпиаду в Инсбруке, имена известных художников, путешествия по Европе, Америке. Следуя классификации Селемёновой, отнесем рассматриваемый цикл к четвертому периоду в творчестве писателя, которому были присущи историзм и психологизм. «Опрокинутый дом» — это во многом психологический анализ жизненных этапов, взгляд на ушедшие события через призму времени, попытка «показать прошлое в настоящем» [Селеменова 2007: 34]. Именно это выделяет данный цикл из всех произведений Трифонова.

С точки зрения исследователей, литературный цикл отличает самостоятельность каждой части, что просматривается и в «Опрокинутом доме». Каждый рассказ — это отдельная история из жизни писателя, в то же время все они взаимосвязаны между собой, закольцованы. Это структурированные автором этапы осознания, переосмысления жизни, собственной судьбы и истории страны. Н. М. Дарвин характеризует литературный цикл как «группу произведений, составленную и объединенную самим автором и представляющую собой художественное целое» [Дарвин 2005: 450]. Пивоварова Е. Л. дает следующие характеристики авторскому циклу: «Структурирование цикла — это своего рода объемное экранирование авторского мирозерцания. <...> Сюжеты текстов, являющиеся компонентами целого, заявляют не столько о себе, сколько о контекстно-скон-

струированном целом» [Пивоварова 2008: 9]. М. М. Гин отмечает, что наиболее важный признак цикла — это обзорность композиции, при которой «организующим центром является не единый фабульный стержень, а единство идейно-тематического задания, проблематика, угол зрения, под которым и в соответствии с которым отбирается материал» [Гареева 2004: 22]. В «Опрокинутом доме» можно наблюдать ключевые признаки авторской циклизации.

Исходя из авторского определения жанра, рассматриваемый цикл — «повесть в рассказах» [Трифонов 2010: URL], в связи с чем следует отметить, что художественная составляющая цикла, следуя оценке автора и исследователей, преобладает над документальной. Данное определение важно еще и тем, что говорит о намеренном объединении частей этой «повести» в определенной последовательности. Это не случайный цикл рассказов, который можно читать в любом порядке, а слитный, тщательно продуманный текст, который по своей структуре образует круг: «Это длинное путешествие, начинающееся от Москвы, следующее по Италии и Австрии до Америки, через Францию и Финляндию до Москвы» [Майкельсон 2003: 5].

Каждый рассказ цикла — это отсылка к ранним произведениям. Поиски истины в рассказе «Кошки и зайцы» имеют связь с рассказом «Воспоминание о Дженцано», в «Посещении Марка Шагала» сюжетная линия перекликается с повестью «Другая жизнь». «Вечные темы» — это, по мнению Г. М. Левинской, «и третье возвращение к жизненному эпизоду, осмысленному в свое время в трифоновской публицистике, и испытанная судьбой оппонента и всем творчеством писателя правда о всеобъемлющей орбите “вечного”» [Левинская 2001: 5]. Рассказ «Недолгое пребывание в камере пыток» перекликается с повестью «Дом на набережной», «Смерть в Сицилии» — со «Стариком», «Опрокинутый дом» — с «Другой жизнью», а в завершающем цикл рассказе «Серое небо, мачты и рыжая лошадь» Ю. Трифонов «дочерпывает» смысловые компоненты произведения «Время и место». Своего рода общим местом в критике и литературоведении стал тезис о повторяемости тем в художественном мире Ю. Трифонова. В рассматриваемом цикле писатель также возвращается к уже затронутым в более «ранних» текстах событиям, однако, как отмечает Е. А. Новоселова, в середине 1960-х гг. писатель меняет угол зрения: «В первую очередь, новый — “неповторный подход” — реализуется в способе конструирования художе-

ственной реальности» [Новоселова 2017: 77]. «Опрокинутый дом» свидетельствует о том, что Трифонов стоял на пороге нового этапа творчества. В большинстве случаев малая проза предшествует романам, но в данном случае автор как будто возвращается к лаконичным прозаическим формам, тем самым «закольцовывая» свое творчество. Его творческий путь начинается с рассказа «Студенты», который повлиял на дальнейшую писательскую карьеру, итогом этого пути стал цикл рассказов «Опрокинутый дом».

Циклообразующим компонентом «Опрокинутого дома» является мотив воспоминаний, который формирует структуру цикла, а также вступает в особые диалогические отношения с подзаголовком — «Семь путешествий». Оказывается, что путешествия совершаются как во времени, так и в пространстве: повествователь погружает читателя в период с 1910 до 1980 гг. или перемещает в различные локации: Москву, Дженцано, Рим, Инсбрук, Париж, Ювяскюль, Хельсинки, Лас-Вегас, Китай, Крым или на Сицилию. Таким образом, семь путешествий оказываются дорогой длиной в столетие.

«Жизнь — постепенная пропажа ошеломительного» — тезис не только первого рассказа, но и всего цикла. Центральным воспоминанием становится путешествие в Италию спустя 18 лет после первой поездки. Состояние «тогда» описывается очень подробно, даже конкретно: «тогда» все было «ошеломительно», несмотря на то, что он был нищ, скуп, ходил пешком, жил в бывшем публичном доме. Несмотря на то, что «тогда» — это нищета, а «сейчас» — это материальное благо, но это прошлое в воспоминаниях оказалось намного эмоциональнее, хотя «тогда» описываемые события не воспринимались как нечто значимое. Как отмечает Е. А. Новоселова, такое сравнение «принципиально для его мироощущения, данная параллель не приобретает концептуального значения и не функционирует в тексте как разоблачающая, <...> не важно, хорошо это или плохо, важно, что было “ощущение счастья”» [Новоселова 2017: 77]. Таким образом, в первом рассказе мотив воспоминания оказывается сюжетообразующим компонентом, формирующим настроение и последующую линию всего цикла — встреча с прошлым и его (пере-) оценка.

В начале писательской карьеры Трифонов принес в редакцию журнала «Новый мир» рассказы, которые отказались публиковать, после чего писатель не печатался там на протяжении 16 лет. Во втором рассказе цикла — «Вечные темы» — подробно описываются

значимость «жалковатой» рукописи, эмоциональная составляющая этого события, подчеркиваются масштабы разочарования: «Я лишь чуял, что миг — судьбоносный» [Трифонов 1985: 195]. «Ю. В. написал с какой-то скрупулезной достоверностью» [Трифонов 2010: URL] — так напишет об этом событии вдова писателя в комментариях к дневникам. Спустя 22 года судьба сводит повествователя с редактором журнала («господином») в Италии, в «вечном» городе. Писатель теперь путешествует, он финансово свободен, в отличие от господина. Из комментариев Ольги Трифоновой становится ясна та переоценка, которая произошла в сознании автора: «Я только что перечитала этот кусок и через двадцать лет поняла, что упорство Юры, желание наперекор мне встретиться с «Порто неро» объяснялось еще и тем, что он хотел угостить его хорошим обедом. Юра знал, что такое без денег быть за границей, помнил по прежним временам» [Трифонов 2010: URL]. Эта история свидетельствует о преждевременности каких-либо выводов или подведения итогов. «Тогда» казалось, что отказ в печати рукописи — это конец, но это не помешало повествователю стать писателем. Последние строки рассказа «Вечные темы» посвящены теплоте дома, которая ощущается повествователем сквозь время и пространство. Тем самым, можно предположить, что жилье в другом городе, стране — это тот самый «перевернутый», «опрокинутый» вариант настоящего, родного дома.

В 1964 г. Трифонов работал спортивным журналистом: «Когда я еще болел неизжитой любовью к спорту», «когда мне казалось, что о спорте можно писать так же серьезно, как, скажем, о гробнице Лоренцо Медичи во Флоренции» [Трифонов 1985: 201]. В поездке в Тироль, описанной в следующем рассказе цикла — «Недолгое пребывание в камере пыток» — возникает друг из далекого прошлого Н. Его присутствие причиняет неудобства повествователю, и он отправляет нас во времена своего студенчества словами «то было первое разочарование: в дружбе, в женщинах, и, главное, в себе» [Трифонов 1985: 201]. Любовный треугольник, в котором повествователь остался лишним, послужил поводом для ложного восприятия воспоминаний о своем приятеле. Все эти годы он думал, что это было предательство, хотя, в итоге оказалось, что Н. его спас: «Да, я забыл, не помнил, перепутал, все ушло во мглу» [Трифонов 1985: 205]. Описание обиды, которая спустя многие годы оказалась напрасной, ложной, вновь приводит к сопоставлению «тогда» и «сейчас», а мотив воспоминания позволяет переоценить

события прошлого и открывает ошибочную однозначность оценки действий других людей.

В рассказе «Смерть в Сицилии» читатель не только погружается в пространство памяти, рисуя портреты людей и разговоры с ними, но и буквально дает ощутить погодные явления, атмосферу описываемого места, буквально запах портовой страны: «Сицилия — это жаркая комната с окнами на море, где с раннего утра надо опускать жалюзи, иначе скоро будет нечем дышать. Но с полудня в Сицилии вполне терпимо». И далее: «сначала от шума моря не спишь, потом привыкаешь»; «труднее привыкнуть к треску рыбачьих лодок» и т. д. [Трифонов 1985: 212]. В основе сюжета рассказа — встреча с пожилой дамой, вдовой сицилийского мафиози, которая приглашает повествователя и его спутника Мауро в свой особняк, где речь в том числе идет и о русских революционерах. Таким образом, в рассказе переплетаются две, на первый взгляд, несоотносимых истории — мафиози и революционеров. Повествователь проявляет интерес к мафиози, криминальному сообществу, которое зародилось в Сицилии в конце XIX в. и получило распространение во многих странах мира. При этом история возникновения мафии в некоторой степени схожа с революционной деятельностью. Так, например, известная сицилийская мафия сформировалась для защиты своих семей, земель от угроз и посягательств, и в дальнейшем, по мере возрастания авторитета, подобные организации проникли во многие сферы жизни, в том числе и в политику. Революционная деятельность придерживается примерно того же маршрута — разрушение старого для защиты своей земли, семьи и т. д. Обе организации имеют неоднозначное отношение со стороны как граждан, так и со стороны политиков. Поэтому повествователю было интересно взглянуть на жизнь мафиози, на что он получил ответ от своего спутника: «Все имеют отношение к мафии»; «Знаете, что такое мафия? Она как эти горы. Вы сейчас их не видите, они скрыты тенью, но вы знаете, что они есть. Они окружают город» [Трифонов 1985: 215]. Акцент синьоры характеризуется повествователем как смесь «южнорусского» и «итальянского»: «Как будто обычное дело: встретиться двум русским в Сицилии в каком-то пиратском замке...» [Трифонов 1985: 215]. Этой фразой повествователь объединяет временные и пространственные пласты, подчеркивая объемность происходящих событий, их несомненную важность, которая обусловлена случайной встречей. Мотив воспоминания в данном

рассказе подчеркивает важную связь человека с его родиной: «Милый мой, — синьора Маддалони накрывает мою руку сухонькой ладошкой, — ваш папа был на другой стороне. А дядя, комендант Новочеркасска, может быть, преследовал моего брата. Все это история... И она мало кому интересна — мне, вам... Но самое страшное знаете что? — Она смотрит в глубь меня пронизывающим бессильным оком. — Смерть в Сицилии...» [Трифонов 1985: 217]. Собеседница повествователя буквально снимает все идеологические и политические противоречия, ставя во главу угла важную и необходимую каждому связь с родным домом, буквально объясняя, что рождение и смерть человека должны случаться в одном месте.

Данный рассказ имеет и биографические отсылки. Ольга Трифонова отмечала, что тема судьбы его отца — профессионального революционера, с загадочной и богатой судьбой, очень сильно волновала Юрия Трифонова: «У Валентина Андреевича были амбиции военачальника, и у Сталина тоже. Они дико грызлись под Царицыном» [Трифонов 2010: URL]. Последние дни, со слов сокамерника Валентина Андреевича на Лубянке, отражены в дневнике Трифонова: «Общее впечатление, что ваш отец сохранял полное владение собой, вероятно, лучше всех зная, что его ждет — никогда не допускал ни малейшего срыва. Он хотел жить. И была уверенность, что он абсолютно здоров, что он будет жить и что, по крайней мере, если эта возможность осуществится, он войдет в нее, сохранив силы» [Трифонов 2010: URL]. Вдова писателя также запишет, что почерк в дневнике был совсем другой, не похож на его, было сложно расшифровать: ощущалась боль, страх услышать об отце такое, что «в прощении и в оправдании не нуждается» [Трифонов 2010: URL]. Когда Валентина Андреевича арестовали и расстреляли, Юрию Валентиновичу было 13 лет, боль утраты родителей и родного дома он пронес через всю свою жизнь.

Обращение к 30-м годам XX столетия, к времени, «когда начинались мы», формирует пространство следующего рассказа — «Опрокинутый дом». Этот период в судьбе писателя связан с арестами отца и мать, временем, когда детство закончилось и дом стал «опрокинутым». Пространство рассказа оказывается буквально перевернутым, причем несколько раз, «ведь оптимальный способ перемещения летней верандочки из подмосковной деревни Репихово в Западное полушарие, в зал казино в Лас-Вегасе, и наоборот, это и есть опрокидывание. Переносное же значение возникает в контек-

сте всего творчества писателя, где метафора «опрокинутый дом» обретает ёмкое, многослойное содержание и оказывается ключевой для понимания художественного мира Юрия Трифонова» [Левинская 1991: 11]. Лас-Вегас становится для повествователя отражением его собственного дома: «внутри лунного пейзажа, внутри этих кратеров, многоэтажных башен, кружения огней среди ночи таится знакомое: я вижу свой дом, но в перевернутом виде. Он как бы расплескивается, расслаивается, отражается в воде. Всегда, когда я уезжаю далеко, я вижу свой опрокинутый, раздробленный дом. Он плавает кусками в воде» [Трифонов 1985: 30]. Именно это воспоминание дает читателю понимание родственности всего во Вселенной, окружающего мира как целого, что дает возможность не потерять себя, находясь вдалеке от родины. Такое устройство рассказа вполне отвечает видению Трифонова: «Америка пронизана Россией. Америка и Россия — два кончика одного дождевого червя» [Майкельсон 2003: 26].

Название следующего рассказа — «Посещение Марка Шагала» — может дать ложное представление о том, что рассказ будет о Шагале, хотя на самом деле он посвящен воспоминанию о другом художнике, об отце супруги повествователя: «Я был женат на дочери Ионы Александровича. Мы прожили с ней пятнадцать лет до ее внезапной смерти на литовском курорте, куда она умчалась в одиночестве непонятно зачем» [Трифонов 1985: 232]. Стоит отметить, что воспоминание в этом рассказе приобретает черты потока мыслей, чувств, которые набирают обороты по мере развития действий: сначала повествователь находится в дороге, едет к Шагалу, любуется видами, мысли поглощают его все больше, и от «простодушных коров» Шагала, от мыслей об Улиссе и других вещах, сознание повествователя переносится в глубинные воспоминания, где и появляются мысли об Ионе Александровиче: «Я не мог не вспомнить о нем. Уж слишком он трепетал, рассказывая о Шагале» [Трифонов 1985: 232]. Из комментариев вдовы писателя можно узнать, что под именем Иона Александрович скрывается тесть Ю. В. Трифонова, отец Нины Нелиной — Амшей Нюрнберг. Тесть Трифонова долгое время делил одно ателье с Марком Шагалом и, как отмечают биографы художника, дружил с Шагалом. Одержимость Ионы Александровича Шагалом обратна интересу художника к тестю повествователя: «Амшея помнит плохо. «Он был такой» — и покрутил пальцем у виска. Но мы вообще были ему малоинтересны. Он рвался наверх,

в мастерскую, где оставил работу. Я его понимаю» [Трифонов 1985: 79]. Такой сюжетный поворот, именно это воспоминание рождает в повествователе мысли о собственной работе, понимание своего творческого пути: «Он говорил, склоняя меня к мыслям о собственных мучениях и потугах я тогда колотился, ища какого-то поворота, какого-то нового ключа в работе, потому что мое старое мне опостытело» [Трифонов 1985: 202].

Рассказ «Серое небо, махты и рыжая лошадь» — это воспоминание о Финляндии, где вновь возникает тема семьи. В заглавии рассказа отражено то, о чем вспоминает повествователь спустя 52 года: о прогулке с матерью в порту города Ювяскюль. Цикл буквально закольцовывается, возвращая читателя в место, где родился повествователь: «В этой стране я многое узнал и почувал впервые пятьдесят лет назад» [Трифонов 1985: 242]. Именно в этой части цикла повествователь приходит к мысли, которая во многом объясняет возникновение воспоминаний: «не надо заботиться отыскивать нити, из которых все это сплетено: пусть они возникают внезапно» [Трифонов 1985: 242]. Таким образом, происходит отказ от объяснения сложных вещей в мироустройстве: не поиск и прочерчивание связей способно определить взаимодействие всех вещей в мире, а именно нанизывание случайных совпадений и воспоминаний в сознании отдельного человека способно нащупать то, что по-настоящему соединяет все совершающееся в мире.

Показательно, что постоянными собеседниками повествователя в цикле оказываются старики: «Они — хранители памяти» [Трифонов 1985: 246]. Так, мы видим в последнем рассказе цикла старушку Елену Ивановну, жену социал-революционера, которая еще хранит память об отце повествователя: «Я его помню. <...> Он был вежливый, корректный и прекрасно обращался с низшими работниками. Чего, надо сказать, другие не делали» [Трифонов 1985: 246]. Безусловно, не зря именно эти воспоминания заканчивают цикл, ведь для писателя память об отце — болезненная тема, вызывавшая сомнения по поводу личности отца, которого он почти не знал и воспоминания о котором были ему особенно важны: «Память как художник, отбирает подробности. В памяти нет цельного, слитного, зато она высекает искры: чувства давно исчезли, сметены ветром, как сор, зато выкованная из стали, сверкает подробность» [Трифонов 1985: 246]. Ему было важно знать, каким был его отец, известный революционер и тот, чьим потомком он является. В некоторой

степени это объясняет финал рассказа и цикла в целом: «В натопленном купе я сидел один и думал: «Вот что странно: все умещается внутри кольца. Вначале была лошадь, потом возникла опять совершенно неожиданно. А все остальное — в середине» [Трифонов 1985: 246]. Тем самым, мотив воспоминаний, буквально связывает настоящее и прошлое повествователя, позволяя с высоты прожитого анализировать себя, свои мысли и свои поступки, совершенные «тогда».

Понятие «дома» для писателя — это опорная точка, которая фокусирует все множество значений этого образа, закрепленных в языке. Но дом оказывается «опрокинутым» — это страдательное причастие, указывающее, что действие совершено третьими лицами или под влиянием сторонних сил. Ведь если «опрокинуть» дом, то перевернется буквально все. Так и жизненные события, которые с первого взгляда образуют вещи внутри опрокинутого дома, в результате сложения воспоминаний образуют картину дома до его «перевертывания», до судьбоносных изменений, обозначают ту невидимую связь всех событий и людей в мире: «Часы в деревянном футляре стоят косо. Надо преодолеть покосившееся время, которое разметывает людей: того оставляет в Витебске, другого бросает в Париж, а кого-то на Масловку. <...> Про самого Иона Александровича спросить почему-то боялся. Почему-то казалось, это будет все равно что спросить: существовала ли моя прежняя, навсегда исчезнувшая жизнь? Если он скажет нет — значит, не существовала» [Трифонов 1985: 205]. По мнению исследователей, это и есть «трифоновский катарсис». В нем звучит «искупление “покосившегося времени”» [Лейдерман, Липовец 2003: 259].

В итоговом цикле писатель, на наш взгляд, возвращается к важным жизненным событиям, не отраженным в предыдущих произведениях, «дочерпывает» смыслы, которые можно из них извлечь. «Опрокинутый дом» — цикл рассказов, в центре которого находится повествователь, постоянно размышляющий о прошлом, создающем образ времени, которое, в свою очередь, вмещает жизнь человека и историю человечества. Во всех рассказах прошлое существует с настоящим, переход от одного другому часто не имеет четких границ. По мнению И. В. Раковой, «автору удается обозначить значимые для повествователя острые моменты в описании периодов своей жизни и тем самым сфокусировать внимание читателя на ряде черт, соотносимых с конкретным временным пери-

одом» [Ракова 2009: 86]. Можно предположить, что для Трифонова, время не линейно, а обладает совершенно другим типом связей внутри себя. Оно реализуется, проявляется, например, в образах стариков, воплощающих живое прошлое в настоящем (кстати, с помощью уже собственных воспоминаний), или же возможность человека в любой момент посредством памяти переместится в прошлое из настоящего. Сопоставлением двух времен и различных локаций Трифонов привлекает внимание читателя к контрастирующим деталям жизни в прошлом и настоящем, с одной стороны, и к связи всех вещей в мире — с другой.

ЛИТЕРАТУРА

Гареева Л. Н. Вопросы теории цикла (лирического и прозаического) // «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева: Вопросы поэтики, 2004. С. 19–27.

Дарвин М. Н. «Открытое множество»: взгляд А. В. Михайлова на процессы художественной циклизации лирики // Вестник РГГУ. №2 (35). 2018, С. 218–233.

Иванова Н. Б. Проза Юрия Трифонова. М.: Советский писатель, 1989. 293 с.

Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература — 1950–1990-е годы. Т. 2. М.: Academia, 2003. 688 с.

Левинская Г. С. «Дом» в художественном мире Юрия Трифонова // Филологические науки. 1991. №2. С. 3–11.

Майкельсон Дж. «Опрокинутый дом» Юрия Трифонова: взгляд со стороны // Балтийский филологический курьер, 2003. Вып. 2. С. 263–271.

Новоселова А. Е. Поэтика повседневности в художественной прозе Ю. В. Трифонова: дис. кан. филол. наук. Екатеринбург, 2017. С. 137–143.

Пивоварова Е. Л. Поэтика цикла рассказов У. С. Мозма «Трепет листа: маленькие истории островов южного моря»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук/Е. Л. Пивоварова. Воронеж. 2008. 21 с.

Ракова И. В. Текст и исторический контекст в рассказах Ю. В. Трифонова (цикл «Опрокинутый дом») // Мир русского слова. 2009. № 1. С. 85–89.

Савельева Е. Б. Образ автора в автобиографическом тексте // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2015.

№ 5. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-avtora-v-avtobiograficheskom-tekste> (дата обращения 15.12.2020).

Сапожникова Ю. Л. Жанр автобиографии: понятие и особенности // Ученые записки ЗапГГПУ, 2012. С. 54–56.

Селеменова М. В. Концептосфера городской прозы Ю. В. Трифонова // Вестник Челябинского государственного университета, 2007. № 13. С. 104–108

Трифонов Ю. В. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1985. 315 с.

Трифонов Ю. В. Как слово наше отзовется... М.: Советская Россия, 1985. 340 с.

Трифонов Ю. В. Из дневников и рабочих тетрадей [Электронный ресурс]. URL: <https://litlife.club/books/138182> (дата обращения 17.12.2020).

Трифорова О. Р. Реплика // Знамя, 2013. № 7. С. 212–214.

REFERENCES

Gareeva L. N. Voprosy teorii cikla (liricheskogo i prozaicheskogo) // “Stihotvoreniya v proze” I. S. Turgeneva: Voprosy poetiki, 2004. S. 19–27.

Darvin M. N. “Otkrytoe mnozhestvo”: vzglyad A. V. Mihajlova na processy hudozhestvennoj ciklizacii liriki // Vestnik RGGU. № 2 (35). 2018. S. 218–233.

Ivanova N. B. Proza YUriya Trifonova. M.: Sovetskij pisatel', 1989. 293 s.

Lejderman N. L., Lipoveckij M. N. Sovremennaya russkaya literatura — 1950–1990-e gody. T. 2. M.: Academia, 2003. 688 s.

Levinskaya G. S. “Dom” v hudozhestvennom mire Yuriya Trifonova // Filologicheskie nauki, 1991. № 2. S. 3–11.

Majkel'son Dzh. “Oprokinutij dom” Yuriya Trifonova: vzglyad so storony // Baltijskij filologicheskij kur'er. 2003. № 2. S. 263–271.

Novoselova A. E. Poetika povsednevnosti v hudozhestvennoj proze Yu. V. Trifonova: dis. kan. filol. nauk. Ekaterinburg, 2017. S. 137–143.

Pivovarova E. L. Poetika cikla rasskazov U. S. Moema “Trepet lista: malen'kie istorii ostrovov yuzhnogo morya”: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk/E. L. Pivovarova. Voronezh, 2008. 21 s.

Rakova I. V. Tekst i istoricheskij kontekst v rasskazah Yu. V. Trifonova (cikl “Oprokinutij dom”) // Mir russkogo slova, 2009. № 1. S. 85–89.

Savel'eva E. B. *Obraz avtora v avtobiograficheskom tekste* [Available from] // *Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*. 2015. № 5. [Available from] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-avtora-v-avtobiograficheskom-tekste> (accessed: 15.12.2020).

Sapozhnikova Yu. L. *Zhanr avtobiografii: ponyatie i osobennosti* // *Uchenye zapiski ZapGGPU*, 2012. S. 54–56.

Selemeneva M. V. *Konceptosfera gorodskoj prozy Yu. V. Trifonova* // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007. № 13. S. 104–108

Trifonov Yu. V. *Sobranie sochinenij. V 4 t. T. 4. M.: Hudozhestvennaya literatura*, 1985. 315 s.

Trifonov Yu. V. *Kak slovo nashe otzovetsya...* M.: *Sovetskaya Rossiya*, 1985. 340 s.

Trifonov Yu. V. *Iz dnevnikov i rabochih tetradej.* [Available from] URL: <https://litlife.club/books/138182> (accessed: 17.12.2020).

Trifonova O. R. *Replika* // *Znamya*, 2013. № 7. S. 212–214.

Научный руководитель: Черкасова Е. А., к. филол. н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы ТюмГУ.

Данные об авторе

Горбачева Мария Александровна — выпускник бакалавриата Института социально-гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет». Сотрудник ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение», Тюмень, Россия.

E-mail: marocheva@gmail.com

Author's information

Gorbacheva Maria Alexandrovna — bachelor's degree graduate of the Institute of Social Sciences and Humanities, Tyumen State University. Employee of State Autonomous Institution of Culture in Tyumen region "Tyumen Museum-Educational Organization", Tyumen, Russia.

E-mail: marocheva@gmail.com